

Пётр II

Итак, в начале мая 1727 года светлейший князь Меншиков успел сделать последний ход, решивший судьбу рискованной партии в его пользу: накануне смерти 6 мая Екатерина подписала завещание – Тестамент, по которому престол переходил к двенадцатилетнему внуку Петра Великого, сыну царевича Алексея великому князю Петру Алексеевичу. Седьмого мая 1727 года Тестамент был зачитан в собрании «государства», и великий князь был объявлен императором Петром II. Это была полная победа Меншикова, ибо, согласно букве Тестамент, царь обязался жениться на дочери Меншикова княжне Марии Александровне, а до совершеннолетия монарха государством управлял регентский совет – читай: Меншиков, победивший всех своих главных врагов и безраздельно заправлявший в Верховном тайном совете.

С первых дней нового царствования светлейший сделал так, что регентский совет не собирался, и император сразу же стал издавать именные указы, которые лишь доводились до сведения регентов. Кто эти указы диктовал императору, точнее – кто давал их ему на подпись, тайной не являлось. Одним из первых таких указов Меншиков получил чин генералиссимуса. Власть переместилась с левого берега Невы, из Зимнего дворца, на правый берег – в роскошный дворец Меншикова на Васильевском (Преображенском) острове. Сюда спешили министры, генералы, здесь устраивались великолепные празднества. Весной 1727 года в Меншиковский Дворец переехал и сам император – так было удобно светлейшему, тем более что неподалеку, на берегу Невы, поспешно возводился новый царский дворец.

Контроль Меншикова над юным императором был назойлив и неотступен. Отложив в сторону важнейшие государственные дела, Меншиков не оставлял Петра ни на один день. Вместе они отправлялись спускать на воду галеру, вместе ездили за город на псовую охоту, обедали и ужинали за одним столом... Впрочем, Меншиков хорошо понимал, что проводить все свое время с царем он не сможет и нужен хороший, точнее – надежный, воспитатель. И светлейший остановил свой выбор на А.И. Остермане, вице-канцлере, расторопнейшем человеке. Тот хотя и был излишне хитроумен и лукав, но обладал одним важным недостатком, скорее – достоинством: был послушен, безроден и всегда знал только одного хозяина – того, кто сильнее. А таким был сам Меншиков.

Неграмотному светлейшему нравился научный подход нового воспитателя – тот составил солидный план занятий юного царя. В нем была история, география, механика, оптика, латынь и другие языки, а также музыка, танцы, верховая езда. Не были забыты и основы отеческой веры. Феофан Прокопович составил программу обучения «багрянородного отрока» основам православия. Понемногу Андрей Иванович приучал государя к делам – ведь наступит время, когда не сможет Александр Данилович нести на своих могучих плечах тяжкое бремя власти и нужен ему будет коронованный помощник! Двадцать первого июня

1727 года Петр II явился на заседание Совета и произнес напыщенную программную речь, в которой обещал вспомогать убогим и «по похвальному примеру императора Веспасиана никого от себя печального не отпускать». Старые зубры канцлер Г.И. Головкин, генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, князь Д.М. Голицын и другие умилялись: какой умный мальчик, а главное – какой послушный! Ай да Андрей Иванович!

Меншиков, прибрав к рукам власть, был крут и беспощаден к своим врагам. Никаких традиционных амнистий по случаю вступления нового царя на престол не последовало – наоборот, Меншиков пытался довести до плахи своих вчерашних друзей – П.А. Толстого, А.М. Девиера, обвиненных накануне смерти Екатерины в заговоре. Тогда же попали в опалу и члены кружка веселой и обаятельной княгини Асечки – Аграфены Петровны Волконской. Среди друзей Асечки были дипломат И.П. Веселовский, камергер С.А. Маврин, военный инженер Абрам Петрович Ганнибал – «черный Абрам», как он писал в письмах Волконской. Этот кружок тогдашней петербургской молодежи сгубили сплетни о кознях Меншикова, точнее – чей-то донос о предосудительных разговорах в салоне Волконской. Как только светлейший узнал из доноса о предосудительных разговорах в салоне Асечки, он поступил с кружковцами грубо и бесцеремонно. Без всякого следствия княгиню Волконскую сослали в деревню, других участников вечеринок в ее доме разослали по дальним городам.

Уже 8 мая Ганнибал ехал в срочную командировку с царим указом об осмотре крепости в Казани. Не успел высланный из столицы без единого рубля Арап Петра Великого доскакать до Волги, как там его ждал указ «ехать без всякого замедления» в Тобольск и там строить крепость. Он был в отчаянии, писал жалобные челобитные светлейшему, просил снизить к нему, «нищему, сирому, босому иностранцу». Но Меншиков дал указание губернатору Сибири князю М.В. Долгорукому послать Ганнибала еще дальше – на китайскую границу, да еще за ним, как за подозрительным иноземцем, учредить «крепкий присмотр» – ведь китайский рубеж рядом! Ганнибал умолял Волконскую и других друзей прислать ему денег, помочь ходатайством у сильных мира сего. Но друзья ничем не могли помочь черному любимцу Петра, их положение было тоже тяжелым. Над Ганнибалом сжалился сибирский губернатор; отправляя опального в Селенгинск, он подарил ему сто рублей. Даже падение Меншикова осенью 1727 года не облегчило положение ссыльного, он был исключен из гвардии и записан в майоры Тобольского гарнизона, а в декабре в Селенгинск отправили офицера, которому предписывалось прийти к Ганнибалу «на квартиру незапно», арестовать его, отобрать и опечатать все его бумаги. Сидение Ганнибала под арестом продолжалось долго, пока уже при Анне Иоанновне о нем, дельном инженере и фортификаторе, не вспомнил набравший силу фельдмаршал Б.Х. Миних. Именно он и вытащил Абрама в 1731 году из Сибири.

События в Петербурге весной и летом 1727 года разворачивались неспешно. Меншиков был счастлив – Фортуна благосклонно улыбалась, придворные раболепствовали перед ним, дела шли хорошо. Восемнадцатого мая в сенатской подклети пороли батогами рассеянного канцелярского юношу Семена Смирнова, который в важной бумаге сделал опisku: вместо словосочетания «светлейший князь» написал «светлейший государь Александр Данилович».

Через два дня после досадного происшествия с Семеном Смирновым и, конечно, без всякой связи с этим император Петр II чинно явился к Меншикову и в присутствии двора и генералитета попросил у светлейшего руки его дочери Марии. Меншиков благосклонно согласился, тем более что накануне Верховный тайный совет подписал постановление, одобряющее этот брак. И тотчас же началась церемония обручения. Под сводами уютного золотого зала Меншиковского дворца запел хор, высокопарно вещал архиепископ Феофан Прокопович. Все шло, как и задумал еще при Екатерине I Меншиков: еще шаг, и вот он, трон Романовых! Многочисленные гости были смущены и шокированы – до совершеннолетия царя оставалось еще несколько лет, а вот уже обручение. «Никто не думал, – пишет иностранный дипломат, – чтобы это могло так скоро случиться!»

А жених и невеста послушно стояли перед амвоном домово́й церкви Меншикова. Ей исполнилось пятнадцать, а ему – одиннадцать лет. Эта разница в четыре года, вероятно казалась им огромной, но оба они были, в сущности, игрушками, которыми играли взрослые. Они не знали, что не пройдет и четырех месяцев, как они расстанутся навсегда, но умрут почти одновременно. Мария зачахнет в Березове, пережив светлейшего всего на полтора месяца, умрет сразу после Рождества – 26 декабря 1729 года, в день своего восемнадцатилетия. Не пройдет и месяца, как в другом конце России умрет и ее бывший жених...

В вечер дня обручения – 23 мая 1727 года – Меншиков торжествовал. Он не жалел ни денег, ни сил, чтобы пустить пыль в глаза гостям: ломился от яств стол, гремели салюты в честь каждого тоста, на крыше дворца сияла видная с другого берега Невы иллюминация: ангел с двумя сердцами в руках и транспарант огненными буквами: «Небо посылает меня утвердить союз ваш». Бал открыли новообрученные. Этот майский день был последним триумфом светлейшего. Летом 1727 года с ним произошло подлинное несчастье – он надолго заболел. А как известно, это роскошь, недопустимая для властителя. Болезнь казалась опасной: кровохарканье, судороги, лихорадка. Меншиков даже написал два завещания – имущественное и политическое. В последнем он призывал императора учиться, быть верному акту обручения.

Петр вместе со своей старшей сестрой Натальей Алексеевной пару раз посетили больного, но вскоре визиты прекратились. За окном было теплое лето – не сидеть же детям у постели хворого, в сущности, умирающего старика. В это-то время неверная Фортуна и убежала от светлейшего. «В пять недель, – пишет биограф Меншикова Н.И. Павленко, – когда Меншиков практически был лишен возможности опекать будущего зятя, свершилось то, чего он так опасался, – юнец освободился от его глаза и оказался под влиянием Долгоруких, действиями которых ловко руководил Остерман».

Особую роль во всем этом деле сыграл придворный Петра II князь Иван Долгорукий. Еще весной 1727 года Меншиков, опасаясь влияния на царя разбитного, ловкого юноши, спровадил его подальше от столицы, но тот, воспользовавшись болезнью светлейшего, вернулся и сделал все, чтобы настроить императора против своего обидчика. Интриги Долгорукого и его родственников были успешны потому, что Петр был подготовлен к разрыву с Меншиковым – слишком обременительно было для него попечительство генералиссимуса, слишком мало Меншиков считался с желаниями и капризами довольно строптивого мальчишки. Подлинное коварство проявил и Остерман. Вопреки ожиданиям Меншикова тихий и боязливый немец незаметно повел собственную рискованную игру. Она была достаточно тонка и неуловима для постороннего глаза. Главное – воспитатель начал во всем потакать воспитаннику. Это, как известно, верный способ хотя бы на время добиться доверия и симпатии ребенка. Остерман не налегал на Петра с уроками, благожелательно помалкивал, когда император ругал своего будущего тестя. И когда в конце июня 1727 года Меншиков смог встать с постели, он сразу почувствовал роковые изменения в поведении прежде послушного царя. Тот стал холоден к невесте, увиливал от свиданий с семьей Меншикова. Умело усыплял подозрения светлейшего и Остерман – как и прежде, он писал подробные и благодушные рапорты о воспитании Петра. Игра Остермана была так тонка, что, даже сосланный в Сибирь, Меншиков остался в убеждении относительно кристальной честности Андрея Ивановича.

Развязка наступила в начале сентября. Меншиков вдруг осознал, что его дела плохи, он начал суетиться, стал писать царю письма, посылать к нему дочь, жену, одним словом, показал свою слабость, чем тотчас и воспользовались его враги. С 8 сентября один за другим стали появляться указы императора, в которых он обвиняет Меншикова во всех смертных грехах, упрекает светлейшего, что тот «такую на себя амбицию взял и самовластно и предерзостно поступил, что весьма самодержавной Нашей императорской власти противно и государственным интересам вредительно». Для окончательной ясности об истоках смелого красноречия мальчика-императора приведем выписку из журнала Совета 9 сентября 1727 года. «Докладывано... о князе Меншикове и о других по предложенной записке вице-канцлера барона Остермана, которая сочинена была перед приходом Его величества по общему совету всего Верховного тайного совета и Его величество по тому чинить и указы готовить и посылать указал». Иначе говоря, все документы о низложении Меншикова сочинял А.И. Остерман. Меншиков был выслан из Петербурга в свое имение Раненбург в Воронежской губернии. По дороге из Петербурга он испил всю чашу унижения опального вельможи: его лишили свиты, отобрали ордена, ленты, сказочные драгоценности, куски золота и бриллианты, на него завели дело о государственной измене и распродаже интересов страны, в Раненбурге начались долгие и нудные допросы. Весной 1728 года семью Меншиковых вывезли из Раненбурга, конвой имел инструкцию доставить бывшего светлейшего в Сибирь, в Березов.

В восьми верстах от Раненбурга путников нагнал гвардейский офицер, который обыскал Меншикова и его близких и отобрал все неположенное по указу: «Шлафрок изношенный, чулки кастановые ношенные, два колпака бумажные, кошелек с 59 копейками». У жены и дочерей отобрали все теплые вещи, шелк, лоскутки для штопки. Вышедший на российский

Олимп из грязи светлейший князь стремительно полетел в грязь. Эта перемена оказалась роковой для «полудержавного властелина», он прожил в Березове только до 12 ноября 1729 года и умер, забытый всеми.

Крушение этого, по словам Феофана, «прегордого Голиафа» вызвало радость многочисленных врагов светлейшего, у трона утвердился новый фаворит. Им стал князь И.А. Долгорукий, быстро превратившийся в обер-камергера, кавалера ордена Андрея Первозванного и майора гвардии. Иван Долгорукий оставил по себе плохую память. Современники считали его человеком глупым, развратным, высокомерным. Кроме того, он слыл пьяницей и насильником. По мнению испанского посланника де Лириа, фаворит царя не имел воспитания и образования, был очень прост (в смысле незатейлив). Между тем известно, что князь Иван происходил из известной и образованной семьи петровского дипломата князя Г.Ф. Долгорукого, приходившегося новому фавориту дедом. Детство он провел в Варшаве, у него были хорошие учителя, но, как видно, учение впрямь не пошло – князь Иван вырос шалопаем, прожигателем жизни. Именно эта особенность Долгорукого оказалась особенно симпатична Петру II, вырвавшемуся из-под утомительной опеки Меншикова. «Опытный», «повидавший жизнь» девятнадцатилетний бездельник стал наставником царя-мальчика и довольно быстро втянул его в круг занятий и развлечений, приводивших в ужас окружающих и портивших еще не сложившуюся личность царя.

Впрочем, к 1728–1729 годам личность императора многим казалась вполне устоявшейся и малопривлекательной. В его характере были заметны фамильные черты – он был жесток, властен и капризен. «Царь, – писал саксонский дипломат И. Лефорт, – похож на своего деда в том отношении, что он стоит на своем, не терпит возражений и делает, что хочет». О жестоком сердце и весьма посредственном уме великого князя еще в 1725 году сообщал прусский посланник А. Мардефельд. «Никто не смеет ни говорить ему ни о чем, ни советовать», – пишет де Лириа. К мнению коллег присоединяется и англичанин К. Рондо, который отмечает в характере царя признаки «темперамента желчного и жестокого». Все окружающие замечали необычайно быстрое, просто стремительное взросление Петра. Жена английского резидента леди Рондо писала в декабре 1729 года: «Он очень высокий и крупный для своего возраста, ведь ему только что исполнилось пятнадцать... Черты лица его хороши, но взгляд тяжел, и, хотя император юн и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного». Леди Рондо нужно поправить: в это время императору исполнилось всего лишь четырнадцать лет. Особенно внимательно за взрослением Петра наблюдали австрийские дипломаты: по матери, принцессе Шарлотте Софии, он приходился племянником австрийскому императору. Австрийские посланники не могли сообщить в Вену ничего утешительного: император не получает образования, часы учения не определены точно, развлечения берут верх, «государь все более и более привыкает к своенравию». Времени сидеть за противными книжками у Петра II не было – за окном призывно ржали кони и лаяли собачьи своры, он без памяти влюбился в псовую охоту, травлю зверя, сомнительную романтику охотничьих бивуаков с их незатейливыми радостями.

«Охота, – писал в 1728 году К. Рондо, – господствующая страсть царя (о некоторых других страстях его упоминать неудобно)». Действительно, кроме загульных компаний с пьянством и развратом, царя как магнит тянул лес. За осеннюю охоту 1729 года царь и его свита со сворой в шестьсот собак затравили четыре тысячи зайцев, пятьдесят лисиц и пять рысей. Сообщения иностранных дипломатов пестрят упоминаниями о почти непрерывных охотах царя. Он отсутствовал в столице по десять – двенадцать дней подряд, а потом стал пропадать в лесу месяцами. В феврале 1729 года даже разразился международный скандал: узнав, что царь собирается уехать на охоту на два-три месяца, австрийский и испанский посланники вручили канцлеру ноту протеста, отмечая, что их пребывание в столице России теряет всякий смысл.

Все это происходило уже в Москве, куда двор перебрался в начале 1728 года. Старая столица могла торжествовать: в споре с Петербургом она выиграла. Официально дипломатам говорили, что император едет в Москву на коронацию, но «под рукой» утверждали, что в окрестностях Петербурга для царской охоты мало дичи. С радостью переехали в старую столицу сановники и рядовые дворяне – для них это было возвращение домой, поближе к вотчинам, отбившимся от рук крестьянам и холопам. В Москве иностранцы с возрастающей тревогой стали догадываться, что молодой император и двор устроились в Москве надолго, навсегда. Казалось, начали сбываться предсказания скептиков, что со смертью Петра Великого русские уйдут из Европы, вернуться к своей старине и самоизоляции. Французский дипломат Лави еще в 1717 году писал, что Петр не доверяет своему окружению и якобы говорил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину «Я читаю в сердце твоём, что... по смерти моей вы оставите завоеванные мною области и, чего доброго, согласитесь на разрушение этого города и флота, которые стоили мне столько крови, денег и трудов, для того чтобы вытащить вас из ваших старых жилищ».

И вот теперь казалось, что слова эти были пророческими. Намерение бросить Петербург тревожило европейские столицы. Для многих держав Россия стала могучей силой на Балтике, партнером в большой политической игре. Ее союзники рассчитывали опереться на мощное российское плечо. Сохранился особый меморандум Австрии и Испании, в котором Петра умоляли «не оставлять великих завоеваний, добытых героем, вашим дедом, силою побед и трудов». Этот меморандум – отчаянный вопль союзников – так и не дошел до императора – бумагу где-то на охоте потерял князь Иван Долгорукий...

Город святого Петра хирел. Он, удаленный от центра России, нуждался в особой заботе. Следы запустения стали заметны на его улицах и набережных. Конечно, по-прежнему стучали топоры, поднимались стены заложенных еще при Петре Великом дворцов, но не было уже прежнего подъема, а главное – никто уже не боялся, что вот через мгновение из-за штабелей леса вылетит знаменитая обшарпанная двуколка и из нее выскочит строгий, неугомонный Хозяин. Заметно меньше стало людей и экипажей на улицах, пустыми глазницами смотрели недостроенные дома купцов и дворян, которые бежали в Москву – «место нагретое», по выражению С.М. Соловьева.

Впрочем, не станем преувеличивать упадка Петербурга. В нем жило тогда не менее пятидесяти тысяч человек – огромный по масштабам XVIII века город. Слишком сильна была заданная ему Петром Великим инерция движения, и она не ослабла в бездарное царствование его внука. Слишком много людей связали свою жизнь с новой столицей, пустили здесь корни. Не сидели сложа руки прекрасные специалисты, корабельные мастера, архитекторы, инженеры. В порту у Троицкой площади уже не хватало места для кораблей, пришедших под флагами всей Европы, а с верховьев Невы непрерывно плыли барки с товарами из глубины России – по тысяче – полторы за навигацию! Делала первые шаги молодая Академия наук, осенью 1728 года открылись для читателей двери ее знаменитой библиотеки. Начались публичные лекции ученых по химии, астрономии, анатомии. Здесь в Петербурге, вдали от европейских центров культуры, рождалась русская наука. Для ее роста недостаточно было купить книги, приборы, пригласить иностранных ученых. Для нее всегда нужна специфическая среда, атмосфера понимания и должной оценки ученых, чтобы складывались направления и школы, возникали и свято сберегались традиции. И новый город-порт, в котором жили люди десятков профессий, где был флот, мастерские, госпитали, создал и поддерживал такую атмосферу. Этой стране уже нужна была наука, и она жила, как и город, ее приютивший, несмотря на то, что двор обосновался в Москве, а царь был мал и глуп. Из Петербурга весной 1725 года начал свое путешествие капитан-командор Витус Беринг. Петр Великий послал его открыть пролив там, где Азия ближе всего «сошлась с Америкой». Но только в царствование Петра II Беринг, совершив труднейший переход через Сибирь, сумел выйти на построенном им корабле из Нижнекамчатска в океан.

С 1728 году дважды в неделю по почтовым дням из Петербурга начали развозить по всей стране «Санкт-Петербургские ведомости» – газету, которую в продолжение захиревших «Ведомостей» времен Петра стала издавать Академия наук. Это было важное событие в истории России. Газета была поставлена на прочное основание Академии, в ней работали видные ученые, переводчики, появилась сеть корреспондентов. Полтора столетия «Ведомости» были единственной газетой России и почти сразу же стали подлинным окном в мир. Число подписчиков непрерывно росло, но многие читали «Ведомости» даром – в академической лавке, у знакомых, переписывали и пересказывали друг другу содержание статей. Наряду с сообщениями о войнах, стихийных бедствиях писалось о том, что у французской королевы «явились вновь некоторые знаки чреватства», можно было прочесть о новых научных открытиях, о таинственных происшествиях, о том, что Римского Папу «несколько раз в день обморок обшибает» от чрезмерного, как считали ученые медикусы, потребления сырых овощей. Нет сомнений, что известия о европейских происшествиях с нетерпением ждали в России, – она уже вошла в европейский мир и уже дышала с ним одним воздухом забот, страстей, проблем и сенсаций.

Впрочем, сенсаций и своих было достаточно. В то время как Беринг готовился к своему великому научному открытию, на другом краю огромной страны – в Решетиловке на Полтавщине – произошло тоже очень интересное «открытие». Утром 9 июля 1727 года галдящая толпа притащила ратуше некоего Гаврилу Мовченка, которого громогласно

обвиняла в упырстве – вампиризме. Возбужденные поселяне требовали его публичного допроса. Смущенный сотник Иван Гаевский и другие старшины подчинились гласу народа, и Мовченко, к ужасу толпы, во всем сознался: сказал, что упырству учился у своего родственника Ивана Неголи-Постола, и волшебство его состояло в «мазании под плечами неким зельем». Кроме того, он назвал имена четырех ведьм, с которыми волшебствовал. Ошарашенный признаниями упыря народ требовал поймать этих баб и немедленно утопить. С трудом власти утихомирили толпу, а Мовченка и его товарок под крепким караулом отправили в Полтаву. Там на допросе и с очных ставок Мовченко подтвердил, что ведьмы, «сделав его конем, дожива ездят и погоняют поленом», отправляясь на нем по воздуху в Киев.

Как известно, политический сыск всегда неуязвим перед всякой мистикой и чертовщиной. «Упырь» был высечен и вскоре сознался, что оговорил женщин напрасно, а сам он «всякой новый месяц имеет заворот головы... и объявил себя упырем с безумья». Это признание вполне удовлетворило власти, «ведьм» отпустили, что же стало с «упырем», мы не знаем – история Мовченка канула в прошлое.

Внешняя политика России при Петре II претерпела заметные изменения. Главным конструктором русской политики тогда был А.И. Остерман. Суть послепетровской концепции была сформулирована в письме вице-канцлера русским представителям, отправлявшимся на крупный международный конгресс в Суассоне (лето 1728 года): «Наша система должна состоять в том, чтобы убежать от всего, ежели б могло нас в какое пространство ввести... С цесарским двором остаться в союзе и для нынешних наших персидских дел, которым Бог конец ведает. А с другими державами искать дружбу и союз, смотря по конъюнктурам и обращению тамошних дел».

Союз с Австрией, подтвержденный договором 1726 года, стал главным для России. Обе империи связывала общность интересов в борьбе против Турции в Причерноморье и на Балканах, а также огромные аппетиты в отношении Речи Посполитой, что и обеспечило тесную, скрепленную пролитой кровью имперскую дружбу России и Австрии на долгие годы. После смерти Петра I, непререкаемого и сурового политика, очевиден стал его главный промах – Персидский поход. Создание плацдарма на южном берегу Каспия для хода на Индию привело к огромным невосполнимым потерям. Расходы и жертвы для поддержания русского владычества в Мазандаране и Гиляне перевешивали все эфемерные «пользы» от обладания этими малярийными землями – недаром у персов до сих пор в ходу пословица «Надоело жить – поезжай в Гилян».

Казалось, нет ничего проще – посади солдат на корабли и вези домой, в Астрахань! Но известно, что легче захватить, чем отдать захваченное. После Персидского похода государство Сефевидов приблизилось к краю гибели, уйти из Персии – значило отдать все туркам, усилить тем самым своего заклятого врага – Османскую империю. Еще долго умирали русские солдаты среди зловонных болот Прикаспия, пока наконец Россия не

сбросила со своей шеи этот тяжеленный груз: в 1732 году она не воспрепятствовала переходу своих владений в Персии в руки нового могущественного властителя Надир-шаха.

В Москве же все пребывало в глубокой тишине. Юный царь все время был на охоте, чиновники работали спустя рукава, реже стали проводиться заседания Верховного тайного совета. Как вспоминал современник, верховники съедутся в присутствие, посидят, выпьют по стаканчику и разъедутся по уютным московским домам – вкушать покои. Но расслабленность и покой были только на поверхности. Власть над гигантской страной оказалась бесхозной, она валялась где-то во дворце, забытая умчавшимся в лес царем-охотником, и к ней, как бы написали романисты прошлого века, «жадно тянулись чьи-то руки». Так получилось, что один за другим в первые послепетровские годы сошли со сцены наиболее яркие личности. Отсутствие твердой руки, Хозяина, беспокоило многих. С сентября 1727 года москвичи заметили, что многие сановники зачастили к иконе Пресвятой Богородицы Новодевичьего монастыря. Популярность святыни на окраине тогдашней Москвы объяснялась тем, что в монастыре поселилась некогда опальная царица Евдокия Федоровна – в иночестве старица Елена, несчастная жена Петра I, просидевшая по монастырям и тюрьмам почти тридцать лет. Лишь вступление на престол Петра II, ее внука, освободило Евдокию от заточения, ее торжественно доставили в Москву, но она поселилась в Новодевичьем монастыре, где задолго до этого угасла другая знаменитая старица – Сусанна, в миру царица Софья. Многие при дворе надеялись, что теперь звезда Евдокии засверкает на политическом небосклоне в полную силу. Евдокия была личностью неординарной. Ее письма к любовнику майору Глебову говорят о ней как о существе пылком, страстном, женщине живой и чувствительной, то есть потенциально способной к восприятию перемен. Она всегда хотела жить, и жить по-своему, что, в конечном счете, и сгубило ее.

И вот после вступления на престол ее внука и особенно после свержения Меншикова знать стала наперебой ухаживать за старицей. Да и у Евдокии, вероятно, были честолюбивые мечты. Она писала из Москвы своему царственному внуку о желании встретиться: «Ежли Ваше величество в Москве вскоре быть не изволите, дабы мне повелели быть к себе чтоб мне по горячности крови видеть вас и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей». Но внук не рвался в объятия бабушки. Даже переехав в Москву, он долго тянул с формальным визитом, а когда явился в монастырь, то был в компании с любимой тетушкой, цесаревной Елизаветой Петровной, что, несомненно, мало обрадовало Евдокию.

И хотя старица носила титул Ее величества, имела придворный штат, присутствовала на церемониях, значение ее при дворе оказалось ничтожным и роскошные кареты более уже не устремлялись к высоким стенам Новодевичьего монастыря – придворные искатели счастья и «крепкой надежды» принялись лихорадочно соображать: на кого же делать ставку? Князь Иван Долгорукий? Конечно, он был особой, приближенной к императору, но его легкомыслие и лень превосходили честолюбие, и князь Иван не очень-то рвался в канцлеры. Потом долгое время человеком, который может влиять на царя, считалась его старшая сестра Наталья. Четырнадцатилетняя девочка (она родилась в 1714 году) была

умна, серьезна и воспитанна. Испанский посланник герцог де Лириа, как и многие другие, был буквально влюблен в великую княжну. Он писал: «Наталья не красавица... но что значит красота, когда сердце совершенно», ее «ум, рассудительность и благородство, наконец, все качества ее души выше всякой похвалы». Умная девочка своими советами и выговорами несколько сдерживала буйного братца, и при дворе полагали, что влияние Натальи будет расти. Но в 1728 году у нее началась скоротечная чахотка, и 22 ноября великая княжна угасла. Ее гроб поставили в усыпальницу московских царей – под пол Архангельского собора Кремля. Это было весьма символично, как и то, что похороны не могли начаться два месяца – сановники спорили, кому идти первым за гробом. Примерно тогда же привезли из Голштинии умершую старшую сестру Елизаветы Петровны Анну – мать будущего Петра II, и гроб с ее телом поставили в Петропавловском соборе, рядом с гробом Петра Великого.

Цесаревна Елизавета Петровна на похороны родной сестры не ездила – у нее не было свободного времени. В царствование Петра II Елизавета из очаровательной девочки превратилась в роскошную красавицу. Среди воздыхателей цесаревны оказался и сам император. О близости племянника и тетушки упорно говорили.

Возможно, что эти слухи подтолкнули отца Ивана Долгорукого князя Алексея Григорьевича на мысль попытаться уловить в брачные силки юного охотника. Приманкой, или, как писал де Лириа, «кокетливой сиреной по уловлению Петра», стала дочь Долгорукого, младшая сестра княжна Екатерина Алексеевна – «хорошенькая девушка, роста выше среднего, стройная, большие глаза ее смотрели томно». Поэтому охоты царя стали проводиться поблизости от имения Долгоруких Горенки, где разгоряченных впечатлениями и винными парами охотников ждала милая хозяйка. Уже тогда многие были согласны с де Лириа, что Долгорукие, забыв об истории другой княжны-невесты, стали писать «второй том глупости Меншикова».

Сами Долгорукие так не думали. Они считали себя умнее и удачливее светлейшего. Но все же, на всякий случай, брачное дело решили не затягивать, как это сделал Меншиков. 30 ноября 1729 года в Лефортовском дворце состоялась торжественная и красочная церемония обручения Петра и Екатерины. Ее платье из серебряной ткани, убранство из драгоценных камней, а также бриллиантовая корона в роскошных волосах ослепляли взор всех присутствовавших. Долгорукие были счастливы. Гремели литавры, стреляли пушки, в большом зале начался бал, а потом фейерверк. Гости были довольны, и никто не придавал значения тому, что жених был не очень уж ласков с Екатериной и что когда карета с невестой въезжала во двор дворца, то зацепилась за низкие ворота и с крыши ее к ногам зевак и караульных гвардейцев прямо в грязь упало позолоченное украшение – императорская корона. Плохой знак!

Свадьбу назначили на 19 января 1730 года. Долгорукие боялись упустить свой шанс и не расставались с царем. Со всех концов страны по зимней дороге потянулись провинциальные дворяне – ведь последняя царская свадьба в Москве была только при их дедах, в 1689 году,

когда Петр I женился на Евдокии Лопухиной. Знать шила богатые наряды, готовились дорогие подарки. Прошло Рождество, Новый, 1730 год, наступило 6 января – Крещение Господне. Этот день на Руси всегда считался одним из самых важных. Пышная церемония Водосвятия много лет до этого дня проводилась на льду Невы, и вот теперь Москва вернула себе царственный праздник. Прорубь была пробита под стенами древнего Кремля. Конечно, в этот морозный день никто не вспомнил, что именно здесь, на льду Москвы-реки, 6 января 1676 года, смертельно простудился прадед Петра II царь Алексей Михайлович. Проболел чуть больше трех недель, он умер. Теперь, спустя полвека, история повторилась.

Вот что сообщала леди Рондо в письме своей приятельнице после всего происшедшего: «Когда я писала в Последний раз, весь свет (имею в виду здешний свет) готовился к пышной свадьбе, она, назначенная на 19 января, приближалась. Шестого января ежегодно устраивается торжественная церемония, которую русские называют «освящением воды» и которая воспроизводит обряд крещения нашего Спасителя Святым Иоанном. По обычаю государь находится во главе войск, которые выстаиваются в этот день на льду Несчастная хорошенькая избранница должна была в тот день показаться народу. Она проехала мимо моего дома с гвардией и свитой – такой пышной, какую только можно себе представить. Она сидела одна в открытых санях, одетая так же, как и на церемонии обручения, а император (в соответствии с обычаем этой страны) стоял позади ее саней (то есть на запятках. – Е.А). Не припомню другого столь холодного дня, и я с ужасом думала о том, что нужно ехать на обед ко двору, куда все были приглашены и собирались для встречи юного государя и государыни при возвращении. Они пробыли среди войск на льду четыре часа. Как только они вошли в зал, император пожаловался на головную боль. Сначала причиной сочли воздействие холода, но после нескольких повторных жалоб призвали его доктора, который сказал, что император должен лечь в постель, так как он очень болен, Поэтому все разошлись. Княжна весь день была задумчива и осталась такою же при этом случае».

Нам известно из других источников, что брак этот не был по сердцу княжне Долгорукой, она любила другого человека. Но ни отец, ни брат, ни другие родственники о желаниях Екатерины не спрашивали – слишком крупную дичь удалось с ее помощью увлечь в брачные тенета, – ведь до дня свадьбы оставалось меньше двух недель. Так они погубили ее жизнь, потому что после смерти Петра II «порученная невеста» пошла по дороге своей предшественницы княжны Марьи Меншиковой. Уже в сентябре 1730 года Екатерина, сосланная со всем семейством Долгоруких, оказалась в забытом Богом Березове, что неподалеку от нынешнего Сургута, в том самом доме, на той же самой лавке, где до нее умерли Меншиков и его дочь. Страшная судьба для восемнадцатилетней светской красавицы, невесты государя! Постом потянулись бесконечные долгие годы ссылки, полярной зимы.

Но и это не было концом страданий. После громкого дела Долгоруких, когда многие из близких родственников Екатерины были казнены в 1739 году на грязном поле под Новгородом, княжну отвезли в Томск, указ предписывал: постричь в монахини «по обыкновению девку Катерину» – так теперь называлась бывшая «государыня-невеста

благоверная княжна Екатерина Алексеевна» – и не спускать с нее глаз. Легенды гласят, что Екатерина держалась в монастыре гордо и высокомерно, категорически отказывалась снимать кольцо, подаренное императором при обручении.

Освобождение пришло только в 1742 году, когда новая императрица Елизавета сжалилась над Долгорукими. Екатерина вернулась в Петербург, ей шел уже тридцатый год. В 1745 году она вышла замуж за графа А.Р. Брюса. Но молодые не прожили вместе даже медового месяца. Екатерина поехала в Новгород на могилы близких, по дороге простудилась и умерла. Легенда гласит, что перед самой смертью, собрав последние силы, графиня Брюс начала бросать в камин все свои наряды – если не довелось носить мне, пусть же не достанутся никому!

...Но вернемся в зимний вечер 6 января 1730 года. Через три дня положение императора ухудшилось – на теле обильно выступила оспа. Решающим считался день 17 января – в болезни должен был наступить перелом. Врачи, как и весь двор, с волнением его ждали. И перелом наступил: царь начал терять сознание и примерно в два-три часа ночи 19 января 1730 года, в Лефортовском дворце, Петр II умер. Саксонский посланник Лефорт сообщал в Дрезден, что последними словами царя было приказание, которое могли исполнить уже не люди: «Запрягайте сани! Хочу ехать к сестре!»...

Известно, что история не терпит сослагательных наклонений. Мы никогда не узнаем, что было бы, если бы царь, переболев оспой, правил бы Россией лет еще сорок, до 1770-х годов. Но, зная даже немного о его уже сформировавшейся личности, можно сделать некоторые предположения. Весной 1729 года испанский посланник писал, что он долго беседовал с Иваном Долгоруким и призывал его уделить внимание воспитанию и образованию императора. При этом де Лириа ставил Петру II в пример молодого короля Людовика XV – почти ровесника русского императора. Юный французский монарх регулярно сидел на заседаниях государственного совета и учился управлять королевством.

Пример Лириа, как показало время, был явно неудачен. За шестьдесят лет своего царствования Людовик XV управлять государством так и не научился. Интриги, разврат, фавориты и фаворитки, имя одной из которых – мадам Помпадур – стало нарицательным как символ каприза и самодурства, – все это стало характерно для правления ровесника Петра II, когда Франция Бурбонов стремительно катилась своей гибели. Сам же король вошел в историю бессмертной фразой «После нас – хоть потоп!» и стал образцом редкостного бездельника и развратника по кличке «Возлюбленный». Когда он в 1774 году умер (от оспы!), «королевскую падаль» (выражение оппозиционных парижских листов) пришлось хоронить в двойном гробу – тело короля разлагалось и текло прямо на глазах похоронной процессии.

Вполне допускаю, что Петра II ждала другая судьба. Но не будем питать иллюзий – молодой император начал плохо. С.М. Соловьев тонко уловил суть той эволюции, которую претерпевал характер Петра II за его короткое царствование – «Петр дичал, горизонт его суживался».

Е. Анисимов